

Геннадий Матвеев*, Карина Колихова**

Москва

Введение советско-польского перемирия в действие (октябрь-ноябрь 1920 г.)¹

Abstract

The article clarifies the actual date of the entry into force of the Soviet-Polish treaty on the preliminary conditions of peace and armistice of October 12, 1920. The preliminary treaty stipulated that the enactment should happen no later than November 2, and after that date, the withdrawal of Polish troops to the state border line was to begin. The parties pledged not to interfere in each other's internal affairs and not to support organizations aimed at overthrowing the state and social system of the other party from the moment the truce was ratified under article II of the treaty. Realizing the importance of the armistice, the Ukrainian SSR, Poland and the RSFSR ratified the treaty within the agreed time frame, and it seemed that nothing prevented them from immediately starting work on the final text of the peace treaty in accordance with the agreements. However, the Soviet peace delegation that had arrived in Riga on November 3 did not find the Polish delegation there. It turned out, moreover, that the Polish army was in no hurry to leave the regions of the Ukrainian SSR and the Belorussian SSR occupied by it, and thus covered the flanks of the anti-Soviet armies of Symon Petliura, Boris Piermikin, and Stanisław Bułak-Bałachowicz which invaded Soviet territory. The protests expressed by the Soviet side yielded results only after the Red Army had broken through the defense of the Crimea on November 9–10. On November 13, a Polish delegation finally arrived in Riga and a meeting of the heads of the Soviet and Polish delegations, Adolph Joffe and Jan Dąbski, took place, following which Poland undertook to begin the withdrawal of its troops from November 19, 1920. Its yesterday's eastern allies retreated to Poland and were interned. The analysis of the problem shows that the armistice agreement was actually put into effect not on November 2, but on November 19, 1920, and Józef Piłsudski and the Polish military command are primarily to blame for this.

Keywords: Polish-Soviet war of 1918–1921, implementation of the 1920 Armistice of Riga, anti-Soviet military formations in Poland, Józef Piłsudski, Adolph Joffe, Jan Dąbski

* МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: gformatveev@yandex.ru, ORCID 0000-0002-2320-3068.

** МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: rina.renaissance7@gmail.com, ORCID 0000-0003-4944-7973.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

Ключевые слова: советско-польская война 1918–1921 гг., исполнение Рижского договора о перемирии, антисоветские формирования в Польше, Ю. Пилсудский, А.А. Иоффе, Я. Домбский

Słowa kluczowe: wojna polsko-sowiecka 1918–1921, implementacja ryskiego zawieszenia broni z 1920 r., antysowieckie formacje wojskowe w Polsce, Józef Piłsudski, Adolf Joffe, Jan Dąbski

В подписанном в Риге 12 октября 1920 г. советско-польском договоре о предварительных условиях мира весьма важной была статья II, не только провозглашавшая принцип невмешательства во внутренние дела друг друга основной будущих отношений между Польшей и советскими республиками, не только обещавшая включить в окончательный текст мирного договора обязательство не создавать и не поддерживать организации, которые ставят своей целью вооруженную борьбу с другой стороной и покушаются на свержение существующего в ней государственного или общественного строя и ее территориальную целостность, но и обязывавшая стороны «с момента ратификации настоящего договора... не поддерживать чужих военных действий против другой стороны»². Учитывая пребывание в тот момент в Польше антисоветских армий Симона Петлюры, Бориса Пермикина, Станислава Булак-Балаховича и ряда мелких военных частей, действия которых могли привести к затягиванию гражданской войны, полное и своевременное исполнение этой статьи было чрезвычайно важным для советской стороны. Для Польши же ее значение было иным: для исполнения статьи II, нужно было что-то сделать со своими восточными союзниками. Именно поэтому В. Витос, выступая 14 октября 1920 г. в сейме, специально остановился на этой статье, подчеркнул важность для Польши принципа невмешательства во внутренние дела, но одновременно отметил, что «логическим следствием этого для нас является обязательство впредь не поддерживать сражающиеся до сего момента вместе с нашей армией против советских войск формирования, не входящие в состав польской армии»³.

Договор о перемирии, данный в приложении к соглашению о предварительных условиях мира, устанавливал, что военные действия прекратятся в полночь 18 октября 1920 г., что перемирие заключается на 21 день, с правом выхода из него, что документ утрачивает силу, если до 2 ноября стороны не обменяются ратификационными грамотами. Устанавливались сроки начала и очередность разъединения войск для создания нейтральной зоны к югу от Несвижа. 18 октября 1920 г. советская сторона приступала к отводу своих войск на расстояние не менее 15 километров от

² Договор о перемирии и предварительных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой. 12.10.1920, [в:] *Документы и материалы по истории советско-польских отношений* [далее ДМИСПО], т. III: *апрель 1920 – март 1921 г.*, Москва 1965, с. 428–433.

³ Sprawozdanie stenograficzne z 172 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 14 października 1920 r., ł. 4.

линии прекращения огня, а после ратификации перемирия обе стороны отводили свои войска на 15 км от линии будущей границы (§6). В образовавшейся таким образом 30-километровой нейтральной зоне запрещалось нахождение вооруженных сил за исключением отрядов польской армии на участке от Несвижа до Двины⁴.

Вначале стороны договора не были твердо уверены в прочности перемирия. Так, весьма пессимистически оценил его надежность советский Главнокомандующий Сергей Каменев. Он полагал, что «условия, на которых заключается перемирие и прелиминарный мир с Польшей, не дают никакой уверенности в их прочности и потому необходимо быть в полной готовности к возобновлению борьбы»⁵. Такого же мнения был член Реввоенсовета Западного фронта, польский коммунист Юзеф Уншлихт. 13 октября 1920 г. он рекомендовал ЦК РКП(б), «пользуясь перемирием, до максимума усилить работу разложения польской армии»⁶.

В прочности перемирия сомневались и поляки, в том числе Ю. Пилсудский и его сторонники. Более того, подписание договора о прекращении боевых действий доказывало, что это по вине маршала Польша в августе 1920 г. оказалась перед реальной угрозой гибели, хотя весной 1920 г. могла без войны получить лучшие границы⁷. Близкий Пилсудскому министр иностранных дел князь Евстахий Сапега в инструкции польским заграничным представительствам от 10 октября 1920 г. писал, что сам по себе факт подписания перемирия не дает права «полагаться на добрую волю противника; его уступчивость мы воспринимаем как плод наших побед и свидетельство его внутренней слабости». И если Витос публично предостерегал от поддержки восточных союзников, то министр его правительства говорил прямо противоположное: «Поэтому нам следует и впредь поддерживать элементы, враждебные Советской России, как русские, так и украинские, белорусские, кавказские, стремясь к установлению любых контактов, направленных против грозящей нам оттуда опасности»⁸.

⁴ *Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира...*, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 434–436.

⁵ Записка главнокомандующего Вооруженными силами Республики С.С. Каменева в Реввоенсовет Республики о целесообразности использования перемирия с Польшей для разгрома врангелевской армии, [в:] Российский государственный архив социально-политической истории [далее РГАСПИ], Ф. 2, Оп. 1, Д. 15737, Л. 1-2об.

⁶ *Телеграмма И.С. Уншлихта о необходимости усиления работы по разложению польской армии*, [в:] *Польско-советская война. 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы)*, ч. 2, Москва 1994, с. 89.

⁷ Этим не преминул упрекнуть его национальный демократ Станислав Гломбинский, заявив в сейме: «Наша партия всегда была за мир, мы требовали мира еще весной, накануне киевского похода. Мы убеждены, что тогда мир был бы заключен, если бы этому не помешали те, кто обязательно хотел, пользуясь этим случаем, завоевать свободу для других народов». *Sprawozdanie stenograficzne z 170 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 7 października 1920 r.*, l. 16.

⁸ *Инструкция Министерства иностранных дел польским дипломатическим представителям, характеризующая основные направления восточной политики Польши*, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 426.

Не слишком полагаться на прочность договора о перемирии призывала «Газета Варшавска», выражавшая позицию национальных демократов: «Если вообще всякие мирные трактаты являются клочком бумаги, то трактат с большевиками имеет еще меньше шансов на прочность, чем какой-либо другой, и мы хорошо знаем, что нам придется помнить всю зиму о возможности весенней кампании»⁹. Двойственную позицию занимала Польская социалистическая партия. Игнаций Дашиньский в сеймовом выступлении хотя и поддержал прелиминарный договор, но при этом не скрывал, что «результаты мира нас совсем не устраивают», ибо не была реализована федералистская концепция организации Восточной Европы, и тем самым не созданы прочные гарантии безопасности Польши¹⁰. А оценку «кресовыми» поляками потери бывших восточных территорий I Речи Посполитой лучше всего передает запись от 13 октября 1920 г. в дневнике видного польского общественного деятеля из Белоруссии Э. Войнилловича: «Это ни что иное, как новый, четвертый, раздел Польши, предложенный самой же Польшей»¹¹.

Скептицизм советской стороны относительно прочности перемирия подпитывали и такие события, как кратковременный захват поляками в ночь с 15 на 16 октября Минска, остававшегося согласно прелиминарному мирному договору за советской стороной, и особенно захват генералом Люцианом Желиговским Вильно 9 октября 1920 г. Это событие, с одной стороны, осложняло советско-литовские отношения, перечеркивало предусмотренную Московским договором от 12 июля 1920 г. передачу Литве права на Вильно¹². С другой стороны, Москва, согласившись в прелиминарном договоре от 12 октября с тем, что территориальный спор между Польшей и Литвой касается только их, но при этом не денонсировав мирный договор с Ковно, осталась в статусе союзника Литвы против Польши. В Кремле больше опасались интернационализации конфликта из-за Вильно и введения в спорную область войск Антанты¹³. Повышенная активность советской стороны в Риге в связи с акцией Желиговского свидетельствовала, скорее, об осознании советской стороной, что в Польше все еще сильна «военная партия», не опасаясь игнорировать ясно выраженную в июле 1920 г. в Спа волю Антанты отдать Вильно Литве.

Таким образом, в течение шести дней, предназначенных для остановки боевых действий, обе стороны не исключали возможности срыва перемирия. Но эти опасения, к счастью, не оправдались, и боевые действия на

⁹ Цит. по: П.Н. Ольшанский, *Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.)*, Москва 1969, с. 154.

¹⁰ Sprawozdanie stenograficzne z 171 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 8 października 1920 r., t. 19.

¹¹ Э. Войниллович, *Воспоминания*, Минск 2007, с. 334.

¹² М.С. Павлова, *Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах*, Москва 2016, с. 35–36.

¹³ Там же, с. 69.

фронте были прекращены точно в срок. 17 октября 1920 г. Полевой штаб Реввоенсовета Республики отправил командованию Западного и Юго-Западного фронтов телеграмму с подтверждением приказа главнокомандующего Вооруженными силами о прекращении боевых действий на польском фронте¹⁴. Газета «Известия», выражавшая официальную позицию ВЦИК, напечатала полный текст прелиминарного мирного договора¹⁵. Польский Генштаб 18 октября 1920 г. сделал заявление, что «18 октября 1920 года в 12 часов на всем фронте произошла приостановка боевых действий»¹⁶.

Согласно установленному порядку введения перемирия в действие, прекращение военных действий являлось только первым шагом на пути к началу полномасштабных мирных переговоров. Вторым шагом была ратификация договора парламентами обоих государств. На данную процедуру отводилось 15 дней, начиная с момента подписания документа (т.е. это нужно было сделать не позже 27 октября 1920 г.). После этого, не позднее чем через 6 дней, считая от крайнего срока ратификации, в г. Либава (совр. Лиепая) в Латвии стороны должны были обменяться ратификационными грамотами и составить протокол об этом. И только после этого договор считался ратифицированным.

Таким образом, процедура юридического оформления перемирия должна была уложиться в двадцать один день и завершиться не позже 2 ноября 1920 г. В случае несоблюдения этого срока одной из сторон, договор о перемирии терял силу и через 48 часов, т.е. 5 ноября 1920 г., можно было начинать боевые действия¹⁷.

Стороны договора ответственно подошли к процедуре ратификации. Когда нарком по иностранным делам РСФСР Георгий Чичерин 8 октября поинтересовался у руководителя советской мирной делегации Адольфа Иоффе, нельзя ли будет ограничиться утверждением прелиминарного договора Советом Народных Комиссаров, поскольку созвать сессию ВЦИК крайне затруднительно¹⁸, то получил ответ, что придется созывать, т.к. в Польше этим займется сейм¹⁹. К такому же выводу пришла созданная по решению ЦК РКП(б) специальная комиссия в составе Г. Чичерина, заместителя наркома юстиции Петериса Стучки и секретаря ВЦИК Авеля

¹⁴ Телеграмма Полевого штаба РВСР командованию Западного и Юго-Западного фронтов с подтверждением приказа главнокомандующего Вооруженными силами Республики о прекращении боевых действий на польском фронте, [в:] Российский государственный военный архив [далее РГВА], ф. 6, оп. 4, д. 486, л. 163.

¹⁵ *Предварительный мирный договор с Польшей*, «Известия», 17, 18 октября 1920 г., № 232, 233.

¹⁶ J. Dąbski, *Pokój ryski. Wspomnienia. Pertraktacje. Tajne układy z Joffem. Listy*, Warszawa 1931, s. 126.

¹⁷ *Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира...*, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 433.

¹⁸ Телеграмма Г.В. Чичерина председателю мирной делегации РСФСР А.А. Иоффе о сроках отказа от перемирия, 8.10.1920, [в:] *Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. в 4-х томах*, т. 1, ред.-сост. Г.Ф. Матвеев, Москва 2017, с. 246.

¹⁹ Там же, с. 248.

Енукидзе²⁰. 15 октября было принято решение о ратификации договора с Польшей на внеочередной сессии ВЦИК 23–25 октября²¹. Украинский ВУЦИК ратифицировал договор 20 октября 1920 г.²²

Через два дня, 22 числа, состоялись второе и третье чтение договора в польском сейме. Договор представляли премьер В. Витос и член сеймовой комиссии по иностранным делам Стефан Фальковский. Участвовавшие в обсуждении представители девяти партий отмечали, что прелиминарный договор – это результат не польского диктата, а добровольного соглашения сторон конфликта, что гарантирует его прочность. При этом, ораторы от ППС, Национальной рабочей партии и Национально-христианского рабочего клуба, хотя и по разным причинам, выразили недовольство тем, что по вине Станислава Грабского Польша не получила Минска и вне ее границ осталось много поляков²³. А. Черневский (НХРК) даже призвал депутатов «...сказать, что сейм и весь польский народ будут о них помнить и работать над тем, чтобы они могли вернуться к общей с нами жизни»²⁴. Но его призыв не был поддержан последующими ораторами. 22 октября сейм единогласно принял решение о ратификации и уполномочил Ю. Пилсудского подписать от имени Второй Речи Посполитой прелиминарный мирный договор и договор о перемирии. После чего Е. Сапега проинформировал об этом Г. Чичерина, а также председателя Совнаркома УССР и по совместительству главу республиканского НКИД Христиана Раковского²⁵.

23 октября 1920 г. договор о перемирии и прелиминарных условиях мира с Польшей был ратифицирован 11-й чрезвычайной сессией ВЦИК. Представлявший соглашение Г. Чичерин с целью упредить возможную критику документа указал, что он «является целиком осуществлением

²⁰ Из протокола № 51 заседания Политического Бюро ЦК РКП от 14 октября 1920 г.: о польской красной армии, немецких формированиях, просьбе А.А. Иоффе и утверждению условий мирного договора, [в:] *Польско-советская война. 1919–1920...*, ч. 2, с. 93.

²¹ Из протокола № 62 заседания Оргбюро ЦК РКП от 15-го октября 1920 года: о созыве сессии ВЦИК для ратификации договора с Польшей, направлении агитационно-инструкторского поезда для объезда лагерей с польскими военнопленными и о Польбюро, [в:] *Польско-советская война. 1919–1920...*, ч. 2, с. 94.

²² Стенограмма заседания 2-й Чрезвычайной Сессии ВЦИК Советов по вопросу ратификации договора о перемирии и прелиминарных условиях мира с Польшей, [в:] *Польско-советская война. 1919–1920...*, ч. 2, с. 99. Но отправка украинской ратификационной грамоты в Москву затянулась на неделю по техническим причинам. Во-первых, три бланка ратификационной грамоты курьер привез из Москвы в Харьков только в 6 часов вечера 26 октября. Во-вторых, отправить ее подписанный текст обратно в тот же день не получалось, потому что не было государственной печати. Ее должны были изготовить и доставить в ВУЦИК вечером 26 октября. – Разговор по прямому проводу со Жданом Пушкиным. Москва, НКИД – Харьков, Совнарком, 26.10.1920, Архив внешней политики Российской Федерации [далее АВП РФ], ф. 04, оп. 32, инв. № 52468, п. 209, д. 66, л. 26.

²³ *Sprawozdanie stenograficzne z 177 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 22 października 1920 r.*, ł. 17, 18, 22.

²⁴ Там же, ł. 18.

²⁵ J. Dąbski, *Pokój ryski...*, s. 126.

программы постановления ВЦИК 23 сентября»²⁶, а в качестве основной причины советско-польского конфликта назвал империалистический план создания «фиктивных, якобы самостоятельных правительств, прикрывающих собой польское господство на Украине и в Белоруссии»²⁷. Советское руководство согласилось пойти на территориальные уступки для того, чтобы добиться отказа Польши от плана создания системы буферных государств вдоль ее восточной границы. Цель была достигнута: по прелиминарному мирному договору Польша признала существование, независимость и суверенитет советских Украины и Белоруссии. Уступка частей Белоруссии и Украины - это и есть та самая «территориальная цена», которую пришлось заплатить²⁸. Не забыл Чичерин сказать и о страданиях «тех белорусских и украинских масс, которые подпадут под власть польской шляхты и польских капиталистов», добавив, что это – вынужденный шаг, потому что «в противном случае предстоит продолжение войны на долгое время, зимняя кампания, дальнейшие жертвы для всей России, для всей Украины, для трудящихся масс российского и украинского народа»²⁹.

Нарком не обошел вниманием и II статью прелиминарного мира, при чем он не был до конца уверен, что Польша перестанет поддерживать союзные ей антисоветские формирования: «Нам предстоит в ближайшем будущем увидеть, как сложатся обстоятельства на этом петлюровском фронте, но во всяком случае со своей стороны Польша обязана не терпеть на своей территории петлюровских войск и не оказывать им никакой поддержки»³⁰. В еще более алармистском духе высказался член коллегии НКВД Карл Радек: «Только ценой тяжелых уступок мы получаем кусок бумаги, о котором мы не знаем, будет ли он завтра иметь значение»³¹.

Председатель Витебского губисполкома Иосиф Варейкис отметил недопустимую расплывчатость формулировки о возмещении Польше убытков времен разделов Речи Посполитой: «...надо указать, с какого именно времени, а то, быть может, в течение 200 лет мы должны будем ввозить обратно то, что оттуда вывезено, этого мы ни в коем случае не можем сделать» и выразил мнение, что это «ни что иное, как прикрытие контрибуции»³². В целом же, все участники прений соглашались с необходимостью ратификации достигнутого в Риге соглашения, но при этом требовали, чтобы советская делегация на переговорах в Риге тверже отстаивала советскую позицию и не допустила, чтобы мирный договор носил грабительский

²⁶ Стенограмма заседания 2-й Чрезвычайной Сессии ВЦИК Советов..., ч. 2, с. 99. В этот день ВЦИК установил десятидневный срок для заключения прелиминарных условий мира. – Заявление ВЦИК по вопросу об основах соглашения между РСФСР и Польшей, 23.9.1920, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 399–401.

²⁷ Стенограмма заседания 2-й Чрезвычайной Сессии ВЦИК Советов..., ч. 2, с. 97.

²⁸ Там же, с. 99.

²⁹ Там же, с. 104.

³⁰ Там же, с. 102.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 108.

характер³³. В ходе последовавшего голосования решение о ратификации договора от 12 октября 1920 г. было принято единогласно³⁴. 24 октября Г. Чичерин уведомил польское правительство о ратификации ВЦИК Советов предварительного мира и перемирия³⁵.

2 ноября 1920 г. в Либаве состоялся обмен ратификационными документами. С этого момента юридически прелиминарный мирный договор вступил в силу. Процедура одобрения сторонами конфликта выработанных их мирными делегациями в Риге прелиминарных условий мира между Польшей, Советской Россией и Советской Украиной была соблюдена. Каких-либо серьезных нарушений согласованного порядка действий не произошло, все установленные сроки были строго выдержаны. Казалось, больше никаких препятствий тому, чтобы мирные делегации могли вновь сесть за стол переговоров, не осталось.

Однако помимо юридической, у процесса введения прелиминариев в действие была еще и военная сторона. В полном соответствии с договором, до 18 октября 1920 г. стороны не обязывались останавливать военные действия, хотя, учитывая предварительное определение линии государственной границы между Польшей и советскими республиками, проведение каких-либо наступательных операций не имело смысла. До установленной даты также никак не ограничивалось участие в боевых действиях союзных полякам русских и украинских воинских формирований. После 18 октября ситуация менялась. Польская армия военные действия прекращала, а ее восточные союзники, не имея больше возможности открыто пользоваться польской поддержкой, после 2 ноября оказывались перед выбором: либо поступить на польскую службу, либо вторгнуться на советскую территорию из образовавшейся после 18 октября нейтральной зоны и самостоятельно продолжить войну с Красной армией, либо эмигрировать, сдаться Красной армии, вернуться в границы Польши и подвергнуться интернированию. Первая возможность всерьез не рассматривалась, Польше предстояло не увеличение, а сокращение армии до штатов мирного времени. Оставались второе и третье решения, причем третье вряд ли могло предшествовать второму (в том числе и потому, что этого не хотел Ю. Пилсудский³⁶). Хотя летом 1920 г. он формально был лишен возможности единолично руководить польской восточной политикой, но никто не ограничивал его полномочий как Верховного главнокомандующего польской армией, в том числе в отношениях с восточными союзниками, рассчитывавшими с его помощью победить большевиков.

³³ Там же, с. 107–108.

³⁴ Там же, с. 110.

³⁵ J. Dąbski, *Pokój ryski...*, s. 126.

³⁶ Б. Савинков в судебном процессе в 1924 г. показал: «После заключения перемирия Пилсудский призвал меня и сказал: „Дайте в 24 часа ответ, будете ли вы воевать?», Дело Бориса Савинкова. Со статьей Б. Савинкова «Почему я признал Советскую власть», Москва [1925], с. 63.

В начале июня 1920 г. с согласия Ю. Пилсудского Борис Савинков организовал в Варшаве Русский политический комитет (РПК), позиционировавший себя в качестве будущего российского правительства. В текущий момент его главной задачей было формирование союзных Польше русских отрядов для борьбы с Красной армией³⁷. Из этих отрядов была создана 3-я русская армия в составе двух пехотных и одной кавалерийской дивизий под командованием генерала Б. Пермикина³⁸. В начале ноября ее численность составила порядка 10 тыс. человек. РПК подчинялась также Народная добровольческая армия генерал-майора С. Булак-Балаховича, которая действовала в Белоруссии. В начале ноября 1920 г. ее численность составляла около 15 тыс. бойцов. Кроме этих армий, на стороне Польши выступали не подчинявшиеся РПК, но очень крупные казачьи формирования, а главное – армия Украинской народной республики под командованием атамана С. Петлюры. В октябре 1920 г. она насчитывала более 40 тыс. человек³⁹, но в боях, как сказал в начале ноября 1920 г. С. Петлюра В. Славеку, «смогут принять участие 30 тыс. обмундированных и вооруженных людей вместе с отрядом [казаков] Яковлева»⁴⁰.

После 2 ноября эти войска должны были действовать самостоятельно. Еще 21 октября польское Верховное командование предложило им покинуть в двухнедельный срок Польшу, но разоружать не стало. Поощряемые польскими военными⁴¹ и французами⁴², они выбрали продолжение войны⁴³, рассчитывая при этом на необходимую помощь польской стороны, хотя и не явную, потому что оказывать ее открыто Варшава не могла⁴⁴.

³⁷ Подробнее о РПК и др. антисоветских организациях в Польше см.: Т.М. Симонова, *Советская Россия и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1920–1925)*, Москва 2011.

³⁸ В источниках и литературе встречается и другое написание его фамилии: Перемыкин.

³⁹ Г.Ф. Матвеев, В.С. Матвеева, *Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах*, Москва 2011, с. 122–128.

⁴⁰ *Adiutantura Generalna, Belweder. Naczelne Dowództwo, Oddział II, Warszawa. Dowództwo 6 armii, Oddział II, Złoczów, 3.11.1920*, Российский государственный военный архив [далее РГВА], ф. 471, оп. 1, д. 31, ч. 1. л. 104.

⁴¹ Так, генерал Б. Пермикин согласовывал с Ю. Пилсудским маршрут и материальное обеспечение 3-й русской армии во время ее похода на соединение с Врангелем. По его словам, он «часто посещал начальника польского Генерального штаба генерала Розвадовского... и он сделал все возможное, чтобы ускорить наше вооружение», Б.С. Пермикин, *Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг.*, Москва 2011, с. 85–86.

⁴² При штабе 3-й армии действовала французская военная миссия в составе 10 человек, возглавляемая генералом Троньо, Б.С. Пермикин, *Генерал...*, с. 83.

⁴³ *Дело Бориса Савинкова...*, с. 63.

⁴⁴ З. Карпус так оценивает эту помощь: «Уже после заключения перемирия с большевиками польская сторона, нарушая принятые обязательства, продолжала передавать своему бывшему союзнику прежде всего вооружение и продовольствие. Таким образом она хотела лучше подготовить его к дальнейшей самостоятельной борьбе с преобладающими советскими силами. Например, только с 15 октября по 15 ноября 1920 г. украинцам было передано, в частности: 6 тонн сухарей, 6 тонн сена и более 15 тыс. буханок хлеба, более 2380 винтовок, 10 тыс. шинелей, 26 тыс. брюк и гимнастеров и 8,7 тыс. сапог... Эти официальные польские данные не учитывали материалов и имущества, переданного украинской армии ее ближайшим соседом, 6-й армией». Z. Karpus, *Ukraiński sojusznik Polski*

Б. Пермикин так пишет об этом: «Розвадовский, как и все влиятельные поляки, мне говорил..., что даже если бы у Врангеля были на фронте успехи и наше правительство затянуло бы переговоры с большевиками, то не делайте себе никаких иллюзий, что Польская армия пойдет в Россию. Все, что Польша могла бы сделать, если у Врангеля будет большой успех на фронте, это не заключать быстрого мира с большевиками. Польские армии останутся на своих границах и этим оттянут часть большевистских сил»⁴⁵.

Учитывая общую численность этих антисоветских формирований (максимально не более 75 тыс. человек⁴⁶), явно недостаточную для победы над Красной армией, необходимость действовать в условиях необычайно холодной в тот год осени, вряд ли их кураторы особо верили в успех наступления. Достаточно напомнить, например, что польские военные и французские военные советники не настояли на том, чтобы Балахович наступал на Украине, а не в Белоруссии. 3-ю русскую армию расположили не на правом фланге армии УНР, как того хотел П. Врангель⁴⁷, а на левом. Именно такое пожелание С. Петлюры В. Славек передал 24 октября 1920 г. в вышестоящие инстанции: «2) Он бы хотел иметь прикрытым свое левое крыло войсками Перемыкина. 3) Если бы он должен был отступить, то тогда вызовет восстание на территориях, занимаемых Врангелем и Перемыкиным, т.к. не хочет допустить, чтобы кто-нибудь другой сел на Украине»⁴⁸. Единственной реальной пользой от действий С. Петлюры могло стать создание дополнительных сложностей для Красной армии в ее борьбе с П. Врангелем⁴⁹.

w wojnie 1920 roku. Walka oddziałów Ukraińskiej Republiki Ludowej u boku Wojska Polskiego i ich dalsze losy, <https://polska1918-89.pl/pdf/ukrainski-sojuznik-polski-w-wojnie-1920-roku,3112.pdf> (дата доступа 19.04.2022).

⁴⁵ Б.С. Пермикин, *Генерал...*, с. 86.

⁴⁶ Савинков называет даже меньшую цифру – 50–60 тыс. человек, замечая при этом, что «в общей сложности получилась довольно большая армия для гражданской войны. Если бы она была единой, то представила бы собой некоторую силу. Но эти имели несколько командований: украинцы – одно, есаул Яковлев – другое, Перемыкин – третье, Балахович – четвертое. По настоянию Перемыкина, т.е., в сущности, по настоянию Врангеля (как это ни странно, – склонен думать, что за кулисами были иностранцы), я вынужден был заключить конвенцию с Петлюрой, согласно которой он допускал за свой левый фланг армию Перемыкина. Что же было дальше? Перемыкин стал на этот участок, слева от него расположился казачий есаул Яковлев, но раньше, чем пойти в бой, они передрались между собой». *Дело Бориса Савинкова...*, с. 65. О конфликте между Б. Пермикином и украинским генералом Михаилом Омеляновичем-Павленко по вопросу идти или не идти к П. Врангелю, грозившем перерасти в стычку «между украинцами и москалями, которая должна кончиться разоружением последних», 3 ноября 1920 г. доносил В. Славек. – *Adjutantura Generalna, Warszawa, Belweder. Naczelne Dowództwo, Oddział II. Warszawa. Dowództwo 6 armii, Oddział II, Złoczów, 3.11.1920*, РГВА, ф. 471, оп. 1, д. 31, ч. 1, л. 104.

⁴⁷ Согласно приказа П.Н. Врангеля о создании 3-й русской армии, она должна была идти на «соединение с войсками Крыма». – Приказ ген. Врангеля о формировании в Польше белогвардейской 3-й армии, 3.10.1920, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 422.

⁴⁸ *Adjutantura Generalna Belweder. Naczelne Dowództwo, Oddział II. Warszawa. Dowództwo 6 armii, 24.10.1920*, РГВА, ф. 471, оп. 1, д. 31, ч. 1, л. 102.

⁴⁹ Савинков так характеризовал заинтересованность Польши и Франции во вторжении антисоветских формирований в Белоруссию и на Украину: «Зачем поляки разрешили нам

Зато это наступление, заведомо имевшее минимальные шансы на успех, давало Ю. Пилсудскому возможность сохранить лицо в щекотливой ситуации со вчерашними союзниками. Прелиминарный договор позволял польским военным не разоружать вчерашних союзников, а наоборот, хорошо их вооружить и оказать неявное содействие их борьбе с Красной армией. Пермикин свидетельствует, что Пилсудский во время личной встречи с ним «для того, чтобы я мог быстрее получить все необходимое для похода, ... дал мне целый ряд фамилий и характеристик офицеров, к которым надо обращаться. Это были не начальники всевозможных отделов, а его капитаны»⁵⁰, т.е., скорее всего, бывшие легионеры, для которых слово их Бригадира было законом. Изданная после 12 октября 1920 г. инструкция начальника Генерального штаба польским делегациям в Барановичах и Бердичеве, созданным для наблюдения за введением в действие договора о прекращении огня, обязывала их под разными предлогами ограничить численность советских наблюдателей при польских войсках, а также территорию, которую они могли посещать, даже ценой отказа от собственных подобного рода требований. Особенно на участке южнее Несвижа, поскольку там «речь идет прежде всего о том, чтобы не допустить противника в районы концентрации войск ген. Балаховича, русских и украинских»⁵¹.

Для того, чтобы советская сторона не могла обвинить Польшу в нарушении договора о перемирии, военный министр Польши генерал Казимеж Соснковский издал 21 октября 1920 г. приказ, что «военные подразделения и лица, пересекающие восточную границу государства или линию прекращения огня и переходящие на польскую сторону, будут считаться военнопленными в соответствии со ст. 10 договора о перемирии от 12/X т. г.»⁵², т.е. решившие вернуться в Польшу союзники подвергнутся разоружению и заключению в лагеря.

итти в бой, какую цель они преследовали? Почему они все время оказывали на нас давление, тайное, неофициальное?.. Иди, иди, давление двоякое, – польское, с одной стороны, и французское – с другой. Какую цель они преследовали? Да ту же, какую преследуют все иностранцы: пусть русские дерутся между собой. Чем больше гражданской войны, тем для нас, иностранцев, лучше: Россия будет слабее, России труднее будет стать на ноги». *Дело Бориса Савинкова...*, с. 66.

⁵⁰ Б.С. Пермикин, *Генерал...*, с. 85.

⁵¹ *Instrukcje szefa Sztabu Generalnego dla delegacji polskich realizujących umowę o rozejmie. Po 12.10.1920. – Dokumenty do historii stosunków polsko-sowieckich 1918–1945*, [далее DSPS], т. I: 1918–1926, cz. 1: *Polska między Rosją „Białą” a „czerwoną” (listopad 1918 – marzec 1921)*, red. J.J. Bruski, M. Wołos, Warszawa 2020, s. 544.

⁵² Rozkaz ministra spraw wojskowych o stosunku do oddziałów ukraińskich i rosyjskich znajdujących się na terytorium Polski, 21.10.1920, DSPS, т. I, cz. 1, s. 552–553. Если верить Б. Савинкову, то поляки просто обманули своих вчерашних союзников: «...произошло то, что я втайне предвидел: поляки нас обманули. Поляки обещали нам, что они не интернируют, а подтверждают наших солдат, а это—разница большая. Но, конечно, когда дошло до дела, наши солдаты были просто интернированы в лагерь...». *Дело Бориса Савинкова...*, с. 65. Из свидетельства Савинкова следует, что приказ Соснковского даже ему не был известен.

Реальной услугой поляков армиям Петлюры и Пермикина стала затяжка с отводом их войск из отходящих к УССР районов Волыни. Формальными поводами для этого они называли вначале отсутствие в договоре о перемирии точных сроков начала отвода войск, затем «сахарный вопрос»⁵³, когда же советская сторона предложила устраивающее Польшу его решение, стали ссылаться на эпизоотию сапа. Размещенные под этими предложениями на юге и юго-востоке Волыни польские войска, сами не участвуя в боевых действиях, прикрывали левый фланг пермикинцев и петлюровцев. Из-за этого Красная армия, опасаясь обвинений в срыве перемирия, не могла провести операцию по их окружению⁵⁴.

Но «военная партия» в Польше не ограничивалась использованием лишь этих якобы объективных поводов, по которым не выполнялись постановления ст. II прелиминариев и § 6 договора о перемирии. Верховному командованию не чужда была мысль, что при благоприятном для Врангеля и восточных польских союзников развитии событий не исключено присоединение к ним «добровольцев» из числа военнослужащих Войска Польского. Об этом Пермикин узнал от Т. Розвадовского: «Я говорил Розвадовскому о малочисленности моих формирований и слабости Украинской армии. Розвадовский указал на возможность (опять-таки, если у Врангеля будет успех, и заключение мира с большевиками затянется и переговоры о государственной границе [будут успешны]) дать мне польских добровольцев. В этом случае польские добровольцы сохранили бы свою внутреннюю организацию, сняв знаки отличия, и были бы подчинены мне. [И] что их число будет значительно больше чем все мои формирования вместе с украинцами»⁵⁵.

Т. Розвадовский, говоря о «добровольцах», не просто успокаивал Б. Пермикина, а приоткрывал завесу над планами и уже предпринимаемыми практическими действиями по созданию таких добровольческих формирований. Действительно, осенью 1920 г. по приказу Ю. Пилсудского начал создаваться польско-украинский добровольческий отряд. Инициатива исходила от польских военных, чьи родные места оказывались в составе УССР. Они не согласились с решением политиков продолжить переговоры о перемирии на пике успехов польской армии и хотели продолжать

⁵³ Его суть заключалась в том, что польская сторона весной и летом 1920 г. затратила средства на посев и выращивание сахарной свеклы в тех районах Волыни, которые оставались за УССР. И теперь хотела дожидаться ее уборки и переработки на сахар, чтобы забрать его и вывезти в Польшу. А сезон сахароварения обычно начинается в сентябре и продолжается чуть ли не до Рождества. Я. Домбский на совещании с А. Иоффе 13 ноября 1920 г. датировал завершение вывоза сахара 1–15 декабря 1920 г. – Telegram eksperta wojskowego na rokowania pokojowe do Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego o przebiegu rozmów na temat wypełnienia preliminarjów, 13.11.1920, DSPS, t. I, cz. 1, s. 574.

⁵⁴ Сообщение о ходе совещания председателей польской и российской мирных делегаций, обсуждавшего вопрос о нарушении польской стороной § 6 договора о перемирии, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 472–473, 475.

⁵⁵ Б.С. Пермикин, *Генерал...*, с. 86. Из слов Розвадовского видно, что взятие в кавычки нами слова «добровольцы» оправданно.

войну до победы⁵⁶. Осуществить их намерение взялся Валери Славек, один из наиболее близких соратников Ю. Пилсудского со времен революции 1905–1907 гг., его доверенное лицо в отношениях с С. Петлюрой. Это он 24 апреля 1920 г. подписал польско-украинскую военную конвенцию, в кампании 1920 г. командовал польскими этапными войсками на Украине.

К созданию отряда приступили ранее 20 сентября 1920 г.⁵⁷, когда польские политические круги, несмотря на успехи на фронте, взяли курс на заключение мира. В конце сентября В. Славек ознакомил с проектом Ю. Пилсудского и Т. Розвадовского, которые формально согласия на этот проект не дали, а Т. Розвадовский 3 ноября 1920 г. даже приказал В. Славеку распустить отряд⁵⁸. Но на деле инициативу В. Славека одобрили и в последующем помогли ее реализовать⁵⁹. Их покровительство облегчало взаимодействие В. Славека с различными военными инстанциями, в том числе с V и II отделами Главного командования. Посредниками в отношениях с верховным военным командованием были сослуживцы В. Славека из первой бригады легиона. Канал связи с Ю. Пилсудским обеспечивал его секретарь майор Казимеж Съвительский⁶⁰. А через начальника II отдела польского Генерального штаба подполковника Болеслава Медзиньского Славек добивался от военного министра Казимежа Соснковского принятия Советом министров Польши постановления о возможности демобилизации по собственному желанию из армии офицеров, выходцев «из районов, которые в соответствии с подписанными мирными прелиминариями не будут принадлежать Речи Посполитой», чтобы они могли вступить в его отряд. 25 октября он писал Б. Медзиньскому по этому поводу: «Вопрос срочный, потому что если я смогу сформировать до 2.XI хоть какой-нибудь отряд, то я с ним приму участие в боях украинцев с большевиками»⁶¹.

В сентябре 1920 г. В. Славек ознакомил с проектом С. Петлюру. Сначала тот не занял какой-либо определенной позиции, но уже в ноябре попросил придать проекту официальный характер. Однако это не устраивало польскую сторону. 7 ноября 1920 г. В. Славек писал К. Съвительскому, что не хотел бы момент прихода отряда на украинскую службу «сопровождать

⁵⁶ Г.Ф. Матвеев, *Последняя попытка польско-украинского военного взаимодействия в 1920 г.*, [в:] *Версаль и новая Восточная Европа*, Москва 1996, с. 176–186.

⁵⁷ List do w. Sławka, 26.09.1920, РГВА, ф. 471, оп. 1, д. 31, ч. 1, л. 166.

⁵⁸ Rozkaz T. Rozwadowskiego, 3.11.1920, РГВА, ф. 471, оп. 1, д. 31, ч. 1, л. 209.

⁵⁹ О том, что у отряда В. Славека были очень высокие покровители, свидетельствует такой пример: 10 ноября 1920 г. военный министр К. Соснковский своим приказом запретил вербовку поляков в иностранные войска, особенно воюющие на территории РСФСР и УССР, как противоречащую положениям предварительного мира. А в 6-й армии, в расположении которой отряд дислоцировался, аналогичный приказ был издан только 5 января 1921 г., РГВА, ф. 471 к., оп. 1, д. 31, ч. 1, л. 210, 212.

⁶⁰ List W. Sławka do majora Świtalskiego. Powiadom Komendanta, 7.11.1920, РГВА, ф. 471, оп. 1, д. 31, ч. 1, л. 85–86 об.

⁶¹ List W. Sławka do podpułkownika Miedzińskiego, 25.10.1920, РГВА, ф. 471 к., оп. 1, д. 31, ч. 1, л. 74.

политическими демонстрациями и дипломатическими церемониями. По мере организации отдельных подразделений высылать их на фронт и в пути перекрашивать...»⁶².

Хотя проект был засекречен, 10 ноября 1920 г. эндековская «Газета Варшавска» написала, что на заседании военной комиссии сейма депутат от Народно-национального союза Казимеж Лютославский сообщил о состоявшемся неделей ранее собрании в Варшаве, на котором Славек изложил программу захвата Киева á la Желиговский, неофициально, отрядом из добровольцев-«поляков украинского происхождения» численностью до 20 тыс., который формируется им в Кременце. Присутствовавший на заседании комиссии генерал Т. Розвадовский заверил, что армия не имеет к этому делу никакого отношения. Однако признал, что накануне отъезда польской мирной делегации в Ригу в сентябре 1920 г. Славек действительно представлял ему подобный проект, но в тот момент в этом не было ничего предосудительного. Сейчас ситуация иная, поэтому он обещал изучить вопрос и доложить о результатах расследования на следующем заседании военной комиссии. На предложение депутата-эндека Александра Скарбека провести расследование в два дня, Розвадовский ответил, что не обязан знать, чем, кроме своих служебных обязанностей, скрытно занимается Славек. На это отреагировал еще один эндек, Ян Залуска: «Но мы проинформированы, что подполковник Славек высокопоставленная персона в определенных сферах, близок к принимающим решения, поэтому начальник штаба может даже за несколько часов узнать, где находится Славек и что собирается делать, если делает скрытно, то это военная измена, за которую он должен быть соответствующим образом наказан»⁶³. Слова Я. Залуски однозначно указывали на то, что за спиной В. Славека стоит Ю. Пилсудский.

Спустя три дня в краковской газете «Иллюстрированы Курьер Цодзенны» появилась заметка «Доносчики», которую можно рассматривать как желание пилсудчиков предотвратить обвинение Польши в нарушении прелиминариев. После изложения выступлений Лютославского и Розвадовского, анонимный автор заметил, что ответ Розвадовского не удовлетворил эндеков, «которые готовят новую бурю и новый политический скандал». Заметка заканчивалась следующим пассажем: «Если бы подобное действие могло хотя бы в отдаленной перспективе принести какую-либо пользу Отчизне, то оно могло бы быть частично обоснованным. Но оно приносит только вред, потому что ставит Польшу перед политическими трудностями в связи с необходимостью опровержения лжи, стремится поссорить государство с соседями и представляет Польшу в роли мошенника»⁶⁴.

На 14 декабря 1920 г. польско-украинский отряд состоял из двух батальонов пехоты, двух эскадронов кавалерии, одной конной артиллерийской

⁶² Там же, л. 86.

⁶³ „Gazeta Warszawska”, 10.11.1920.

⁶⁴ *Denuncjatorzy*, „Ilustrowany Kurjer Codzienny”, 13.11.1920.

батареи и штабного взвода (общая численность 830 чел.)⁶⁵. На первый взгляд не очень понятно, зачем он был нужен, если его так и не использовали для помощи Петлюре. Ответ в какой-то степени дает письмо В. Славека К. Съвитальскому от 30 ноября 1920 г. в связи с получением предложения имитировать непослушание командованию 6-й армии и идти к Л. Желиговскому в Срединную Литву. В нем он спрашивал: «В ожидании срыва мирных переговоров держаться ли украинских интересов в качестве какого-то неестественного привеска к 8 дивизии пехоты, или же идти служить к Желиговскому?»⁶⁶. Отряд был расформирован в январе 1921 г. после того, как Польша взяла на себя обязательство защищать Срединную Литву⁶⁷.

Пример польско-украинского отряда под командованием В. Славека показывает, что польские военные и после окончательного вступления в силу договора о перемирии продолжали нарушать пункт II прелиминарного мира. Если польские политики в точном соответствии с достигнутыми в Риге договоренностями о сроках ратифицировали договор о прелиминариях и перемирии с советскими республиками, то польские военные под надуманными поводами фактически его торпедировали. Этим Пилсудский доказывал своим политическим оппонентам, что он все еще может влиять на польскую восточную политику⁶⁸.

Эта двойственная политика Польши в отношении перемирия в конечном счете спровоцировала кризис в двусторонних отношениях в момент возобновления переговоров в Риге об окончательном тексте мирного трактата. Завершая переговоры о прелиминариях и перемирии, делегации договорились вернуться в Ригу сразу же после 2 ноября 1920 г.⁶⁹ 26 октября А. Иоффе сообщил телеграммой Я. Домбскому, что он остается руководителем советской мирной делегации и в соответствии с «нашим совместным решением» намеревается приехать в Ригу в начале ноября. Он также попросил польского партнера известить о дате его приезда⁷⁰. Я. Домбский пообещал приехать 6 ноября⁷¹.

⁶⁵ Notatka, 14.12.1920, РГВА, ф. 471 к., оп. 1, д. 31, ч. 1, л. 108.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Dowództwo Grupy Ochotniczej. Rozkaz likwidacyjny, 13.01.1921, РГВА, ф. 471 к., оп. 1, д. 31, ч. 1, л. 69.

⁶⁸ На это обращал внимание А. Иоффе в своем докладе из Риги в Москву от 19 ноября 1920 г. – Доклад № 4 председателя советской мирной делегации А.А. Иоффе Г.В. Чичерину, В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, Н.Н. Крестинскому, 19.11.1920, АВП РФ, ф. 04, оп. 32, инв. ном. 52436, п. 205, д. 34, л. 64.

⁶⁹ List sekretarza polskiej delegacji w Rydze do szefa Referatu Polityczno-Prasowego Adiutantury Generalnej Naczelnego Wodza o przebiegu negocjacji w sprawie przyszłości ziem białoruskich i podpisania preliminarzów pokojowych, 10.11.1920, DSPS, t. I, cz. 1, s. 537.

⁷⁰ Telegram przewodniczącego delegacji sowieckiej do przewodniczącego delegacji polskiej na rokowania pokojowe o przyjeździe do Rygi w celu wznowienia pertraktacji, 26.11.1920, DSPS, t. I, cz. 1, s. 557–558.

⁷¹ Telegram zastępcy przewodniczącego delegacji polskiej na rokowania pokojowe do ministra spraw zagranicznych o rozmowie z przewodniczącym delegacji sowieckiej na temat wypełnienia preliminarzów pokojowych i wznowienia pertraktacji, 13.11.1920, DSPS, t. I, cz. 1, s. 573.

А. Иоффе был в Риге уже 3 ноября. В ожидании Я. Домбского он встречался с Леоном Василевским, польским послом в Риге и членом делегации, но серьезных вопросов не обсуждал, поскольку, по его словам, тот «просто глуп, по-видимому в данный момент мало влиятелен и из него исходить ни в чем абсолютно не приходится»⁷². Я. Домбский же прибыл к месту переговоров только 13 ноября. Вполне закономерен вопрос о причине его недельной задержки. Ведь руководитель польской делегации в первом туре рижских переговоров в сентябре-октябре 1920 г. зарекомендовал себя скорее сторонником быстрого завершения вооруженного конфликта и умеренных территориальных претензий, нежели приверженцем «военной партии» и границ 1772 г.

Сам Я. Домбский в своих воспоминаниях о конференции этот эпизод обошел вниманием. Объяснение причины задержки содержится в письме А. Иоффе в Москву, датированном 10 ноября: «По польским сообщениям [Домбский] выехал 3-го, но застрял в Данциге, ибо что-то приключилось с парходом, на котором должен был ехать. Вернее всего, однако, что он застрял в Данциге для каких-либо вопросов по Данцигскому вопросу»⁷³. Такое объяснение весьма правдоподобно, пароходы из Данцига в Либаву осенью 1920 г. ходили один раз в неделю⁷⁴. Настораживает в этой информации лишь то, что она исходила не от Я. Домбского лично, а от некоего анонимного источника. Вряд ли им был Л. Василевский, фамилию которого в Москве знали. Действительно, именно в это время завершались переговоры о статусе Данцига как вольного города (это случилось 15 ноября 1920 г.). Но в каком качестве в них мог участвовать польский вице-министр иностранных дел? Он с августа 1920 г. вел переговоры о мире с советскими республиками, а работа над конвенцией об отношениях между Данцигом и Польшей шла в Париже и завершилась 9 ноября 1920 г. Это оставляет место для сомнений в том, что Я. Домбский эту проблему знал настолько хорошо, чтобы обсуждать с кем-то в Данциге какие-то ее аспекты.

А если опоздание произошло не по объективным причинам, то вполне допустимо и иное объяснение причин задержки с приездом Я. Домбского в Ригу. Выше уже говорилось, что польское военное командование как раз в промежутке между 2 и 9 ноября решало две взаимосвязанные задачи: создавало благоприятные условия для вторжения восточных союзников Польши на советскую территорию, но при этом старалось во что бы то ни стало не довести дело до возобновления польско-советской войны. Раскусить этот замысел советской стороне не составило особого труда. Уже 26 октября заместитель руководителя советской мирной делегации Леонид Оболенский оправил Я. Домбскому по этому поводу первую ноту

⁷² Доклад председателя советской мирной делегации А.А. Иоффе Г.В. Чичерину, В.И. Лепину, Л.Д. Троцкому, Н.Н. Крестинскому, 10.11.1920, АВП РФ, ф. 04, оп. 32, инв. ном. 52436, п. 205, д. 34, л. 57.

⁷³ Там же.

⁷⁴ М. Obieziński, *Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej dla ułożenia preliminarzów pokojowych (wrzesień-październik 1920 r.)*, Warszawa 1938, s. 8.

протеста, за ней последовали другие. В них поддержка польской стороной действий С. Петлюры, Б. Савинкова, С. Балаховича трактовалась как нарушение условий перемирия, подрыв значения заключенных договоров, свидетельство отсутствия у Польши искреннего стремления к миру. Более того, поляков прямо предупреждали о возможном затруднении дальнейших переговоров о мире⁷⁵.

Поэтому до тех пор, пока «военная партия» в Польше не умерила свой пыл, Я. Домбскому, как человеку, умеющему держать слово⁷⁶, проще было не приезжать в Ригу, нежели изворачиваться, отвечая на высказываемые лично претензии советских партнеров по переговорам. 9 ноября 1920 г. Красная армия ворвалась в Крым, и дальнейшая поддержка Польшей антисоветских формирований теряла смысл. Нужно было возобновлять конференцию, которая на тот момент была единственным местом официальных контактов сторон и решения возникающих вопросов. Конечно, все сказанное выше только предположение, но его косвенно подтверждает поведение Домбского на первом совещании с Иоффе после возвращения в Ригу.

Домбский приехал в Ригу утром 13 ноября, и уже в 17.15 началось длившееся пять часов заседание делегаций на тему невыполнения Польшей §6 договора о перемирии. Иоффе прямо заявил Домбскому, что Польша «создала то рискованное, серьезное и крайне тяжелое положение на фронте, которое может повести к возобновлению военных действий. Если это соответствует желанию Польши, то тогда лучше поступить открыто, согласно пункта договора, касающегося взаимного предупреждения за 14 суток о возобновлении войны». Домбскому пришлось извиняющимся

⁷⁵ См напр.: Нота заместителя председателя российско-украинской мирной делегации Л.Л. Оболенского председателю польской мирной делегации Я. Домбскому по поводу нарушения польской стороной § 6 договора о перемирии, 29.10.1920, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 465–467; Нота заместителя председателя российско-украинской мирной делегации Л.Л. Оболенского председателю польской мирной делегации Я. Домбскому по поводу нарушения польской стороной договора о перемирии, 30.10.1920, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 467–468; Телеграмма Г.В. Чичерина председателю мирной делегации РСФСР А.А. Иоффе о нарушении Польшей прелиминарного договора, 4.11.1920, [в:] *Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. в 4-х томах...*, т. 1, с. 253; Telegram zastępcy przewodniczącego delegacji polskiej na rokowania pokojowe do ministra spraw zagranicznych o rozmowie z przewodniczącym delegacji sowieckiej na temat wypełnienia preliminarów pokojowych i wznowienia pertraktacji, DSPS, t. I, cz. 1, s. 572–573. Иоффе даже пришлось уговаривать советское руководство не драматизировать ситуацию. 10 ноября он писал Г. Чичерину, В. Ленину, Л. Троцкому и Н. Крестинскому: «Я полагаю, что если мы сейчас поведем бешенную кампанию против несоблюдения ими договора, то мы, не имея других более сильных зарядов, сделаем дипломатическую ошибку». Доклад председателя советской мирной делегации А.А. Иоффе Г.В. Чичерину, В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, Н.Н. Крестинскому, 10.11.1920, АВП РФ, ф. 04, оп. 32, инв. ном. 52436, п. 205, д. 34, л. 58.

⁷⁶ Он это доказал в октябре 1921 г. при заключении т.н. соглашения Домбский – Каракан. – См. подробнее: Г.Ф. Матвеев, «Деньги в обмен на высылку». *Из истории советско-польского дипломатического конфликта в 1921 г.*, [в:] *Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005)*, Москва 2010, с. 198–216.

тоном просить партнера «верить его категорическому утверждению, что польское правительство и польская делегация преисполнены самых искренних намерений в отношении осуществления мира с Россией». Судя по советской записи хода совещания, его заверения и объяснения не произвели особого впечатления на Иоффе, также как и слова участвовавших в совещании Л. Василевского и военного эксперта делегации подполковника Игнация Матушевского, тоже человека из окружения Ю. Пилсудского⁷⁷. Интересна оценка совещания И. Матушевским в его телеграмме в Верховное командование Войска Польского: «Заседание не привело к результату, но было много моментов, когда Иоффе ставил вопрос почти в ультимативной форме; но самого ультиматума не последовало, из чего я еще раз делаю вывод, что пока что большевики срывать переговоры не собираются»⁷⁸. Совершенно очевидно, что эти слова – ничто иное, как признание того, что именно польская сторона завела двусторонние отношения практически в тупик. Об этом без обиняков заявил и Иоффе в самом конце совещания, отмечая все неубедительные попытки польских собеседников оправдаться: «Положение вещей не таково, чтобы предаваться спокойному обсуждению. Может случиться так, что ружья и пушки начнут стрелять сами. Всякое толкование § 6 иначе как требование немедленного по ратификации отвода войск – это нарушение договора... Отвод должен начаться немедленно, например, 14 ноября в 12 часов дня, и всякое предположение, что это дело месяцев и недель, для российско-украинской делегации совершенно неприемлемо, в этом случае договор будет неисполненным и тогда придется констатировать, что подписанный и ратифицированный обеими сторонами договор Польшей не соблюден»⁷⁹. Польская делегация была буквально загнана в угол. Я. Домбский сразу же после конца совещания написал министру иностранных дел Э. Сапеге, что Иоффе «прямо заявил, что может идти на уступки, но предпочитает открытую войну с Польшей, чем войну под псевдонимом Петлюры... Нужно считаться с необходимостью отвода наших войск на линию границы [в срок] до 5 дней. Нервное и недоверчивое настроение обещает трудности в переговорах»⁸⁰.

Я. Домбскому, конечно же, не желавшему срыва переговоров, не оставалось ничего другого, как, сославшись на усталость после дороги, предложить прервать совещание до следующего дня. На самом же деле польская

⁷⁷ Советскую запись совещания см.: Сообщение о ходе совещания председателей польской и российской мирных делегаций, обсуждавшего вопрос о нарушении польской стороной § 6 договора о перемирии. 13.11.1920, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 469–475.

⁷⁸ Raport eksperta wojskowego na rokowania pokojowe do Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego o przebiegu rozmów na temat wypełnienia preliminarjów, 14.11.1920, DSPS, t. I, cz. 1, s. 575.

⁷⁹ Сообщение о ходе совещания председателей польской и российской мирных делегаций, обсуждавшего вопрос о нарушении польской стороной § 6 договора о перемирии, 13.11.1920, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 474.

⁸⁰ Telegram przewodniczącego delegacji polskiej na rokowania pokojowe do MSZ o wypełnieniu preliminarjów, 15.11.1920, DSPS, t. I, cz. 1, s. 573.

делегация взяла «тайм-аут», чтобы лучше подготовиться к следующей встрече, ожидая, видимо, что Иоффе продолжит обвинительную линию, избранную им накануне⁸¹. Но советской стороне нужен был мир, а не убеждение партнеров, что это именно они виноваты в нарушении договора о перемирии. Ведь советское руководство еще 19 августа 1920 г. определило для себя главного противника. И это был П. Врангель⁸², а не Польша. Поэтому 14 ноября А. Иоффе не стал акцентировать вопрос о помощи С. Петлюре и С. Балаховичу и без особых возражений согласился с предложенной польской стороной формулой выполнения § 6 договора о перемирии: «...отход польских войск на польскую государственную территорию там, где это еще не исполнено, произойдет немедленно и в согласии с § 6 договора о перемирии. Ввиду необходимости издать соответствующие приказы слово «немедленно» следует понимать в том смысле, что начало отвода войск произойдет немедленно после получения приказов, не позже, однако, чем 19 ноября 1920 г. в 24 часа по средневропейскому времени»⁸³.

Чем объяснялась столь резкая смена А. Иоффе своего поведения по сравнению с первым днем совещания, когда он буквально загнал Я. Домбского «в угол»? Ответ дал сам А. Иоффе в очередном докладе Г. Чичерину, В. Ленину, Л. Троцкому и Н. Крестинскому от 19 ноября 1920 г.: «...два дня совещания с Домбским... с решительностью подтвердили правильность основного моего предположения, что поляки боятся и не хотят войны с нами... поляки уступили, как только вопрос был поставлен ребром и они убедились, что перегнули палку. Я более чем когда-либо убежден, что они воевать не могут, поэтому войны не хотят и войны боятся. Но это, конечно, вовсе не дает нам права требовать всего, чего мы хотим или отказываться от обязательств, которые мы взяли на себя... Помимо этого главного и основного урока имевших место совещаний... они показали, что обход § 6 перемирия (об отводе войск) был не случайным и что действительно с польской стороны имелась попытка поддержать Балаховича и К^о и, главным образом, Петлюру, и что, наконец, на этом объединились и военное командование, и правительство... Если можно провести аналогии, то... подобно тому, как прелиминарный договор выдавал нам Врангеля, подобно этому подписанный здесь 14 ноября протокол выдает нам Балаховича, Савинкова, Петлюру, Перемыкина и др.»⁸⁴.

Таким образом, Иоффе, правильно оценив причины нарушения польской стороной договоренностей о сроках возобновления переговоров, сумел без особых усилий решить важную для советского руководства в тот момент проблему: заставить поляков не только отвести свои войска на

⁸¹ Raport eksperta wojskowego na rokowania pokojowe..., t. I, cz. 1, s. 576.

⁸² Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б), 19.08.1920., РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 103.

⁸³ Протокол российско-украинской и польской делегаций на мирных переговорах об отходе польских войск на территорию Польского государства, [в:] ДМИСПО, т. III, с. 475.

⁸⁴ Доклад № 4 председателя советской мирной делегации А.А. Иоффе Г.В. Чичерину, В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, Н.Н. Крестинскому, 19.11.1920, АВП РФ, ф. 04, оп. 32, инв. ном. 52436, п. 205, д. 34, л. 63–65.

условленную линию границы, но и забрать с собой восточных союзников. Тем самым был открыт путь к возобновлению мирных переговоров. Сразу же после совещания 13–14 ноября были согласованы технические аспекты конференции, а 17 ноября 1920 г. состоялось ее первое пленарное заседание.

Таким образом, именно 14 ноября 1920 г. следует считать завершающим рубежом в процессе введения в действие советско-польского договора о перемирии. Не случайно, именно подписание протокола от 14 ноября 1920 г. В. Чичерин назвал концом советско-польского вооруженного конфликта⁸⁵.

Библиография

Архивы

Архив внешней политики Российской Федерации [АВП РФ], ф. 04, оп. 32, инв. ном. 52436, п. 205, д. 34, л. 57, 58, 63–65; ф. 04, оп. 32, инв. № 52468, п. 209, д. 66, л. 26.

Российский государственный архив социально-политической истории [РГАСПИ], ф. 2, оп. 1, д. 15737, л. 1-2об; ф. 17, оп. 3, д. 103.

Российский государственный военный архив [РГВА], ф. 471, оп. 1, д. 31, ч. 1. л. 69, 85–86 об, 102, 104, 108, 166, 209, 210, 212.

Документы

Dąbski J., *Pokój ryski. Wspomnienia. Pertraktacje. Tajne układy z Joffem. Listy*, Warszawa 1931.
Dokumenty do historii stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 [DSPS], t. I: 1918–1926, cz. 1: *Polska między Rosją „Białą” a „czerwoną” (listopad 1918 – marzec 1921)*, red. J.J. Bruski, M. Wołos, 2021, Warszawa.

Obiezierski M., 1938, *Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej dla ułożenia preliminarów pokojowych (wrzesień–październik 1920 r.)*, Warszawa.

Sprawozdanie stenograficzne z 170 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 7 października 1920 r., ł. 16.

Sprawozdanie stenograficzne z 171 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 8 października 1920 r., ł. 19.

Sprawozdanie stenograficzne z 172 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 14 października 1920 r., ł. 4.

Sprawozdanie stenograficzne z 177 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 22 października 1920 r., ł. 17, 18, 22.

Войнилович Э., 2007, *Воспоминания*, Минск.

Годовой отчет НКВД к IX Съезду Советов (1920–1921), 1921, Москва.

Дело Бориса Савинкова. Со статьей Б. Савинкова «Почему я признал Советскую власть», [1925], Москва.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений, [ДМИСПО], т. III: *апрель 1920 – март 1921 г.*, 1965, Москва.

Пермикин Б.С., 2011, *Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг.*, Москва.

Польско-советская война. 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы), 1994, ч. 2, Москва.

⁸⁵ *Годовой отчет НКВД к IX Съезду Советов (1920–1921)*, Москва 1921, с. 27.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. в 4-х томах, т. 1, ред.-сост. Г.Ф. Матвеев, 2017, Москва.

Исследования

Karpus Z., 2010, *Ukraiński sojusznik Polski w wojnie 1920 roku. Walka oddziałów Ukraińskiej Republiki Ludowej u boku Wojska Polskiego i ich dalsze losy*, „Biuletyn IPN”, nr 7–8 (116–117), s. 16–33.

Матвеев Г.Ф., 1996, *Последняя попытка польско-украинского военного взаимодействия в 1920 г.*, [в:] *Версаль и новая Восточная Европа*, Москва, с. 176–186.

Матвеев Г.Ф., 2010, «Деньги в обмен на высылку». *Из истории советско-польского дипломатического конфликта в 1921 г.*, [в:] *Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005)*, Москва, с. 198–216.

Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С., 2011, *Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах*, Москва.

Ольшанский П.Н., 1969, *Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.)*, Москва.

Павлова М.С., 2016, *Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах*, Москва.

Симонова Т.М., 2011, *Советская Россия и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1920–1925)*, Москва.